

Первая ступень.

Въ Петербургѣ я видѣлъ проходящіе черезъ Невскій на Варшавскій вокзалъ батальоны; многие солдаты на ходу читали газеты и листки, но у всѣхъ лица были рѣшительныя и суровыя, — у тѣхъ, кто читалъ, и у тѣхъ, кто просто шелъ, утомленный, въ шлѣ и поту подъ тяжелымъ снаряженіемъ. Вглядитесь, спросите, послушайте, — повсюду одно: отъ Крыма до Бѣлаго моря, отъ восточныхъ горъ до пѣмецкой границы рѣшительно и серьезно поддался темный мужикъ, тотъ, за кого мы опасались, кого мы только что собирались учить разуму. Затѣмъ уже подъ ружьемъ, читая на ходу листки и газеты, освѣдомился онъ о частностяхъ, подивился, сколько народу воюеть, въ первый, быть-можетъ, разъ узнавъ, гдѣ живутъ эти нѣмцы, какого рода имъ надо и прочее, и прочее, но всталъ и пошелъ воевать до чтенія газетъ, до Оранжевой книги.

Вспомните: вы слышали сѣтованья? Вы видѣли, чтобы кто хорохорился или просто пришелъ въ отчаяніе, уходя воевать? Сейчас у воротъ я видѣлъ, какъ двое солдатъ прощались съ сѣдымъ крѣпкимъ мужикомъ; подавъ руку, ладьяй поцѣловалъ его въ губы, затѣмъ оба, смутясь, помолчали; старикъ глядѣлъ на нихъ, глаза его были полны слезъ: «Ну, счастливо, уходите», — сказалъ онъ; солдаты ушли, онъ же хмурился только.

Представляется, будто цѣлый вѣкъ росли силы въ народѣ; аграрные погромы мимувшей революціи, шпикство, неслыханное озорство послѣднихъ лѣтъ, — все это лезонія венчики не туда направленной силы.

Народъ, еще не жившій, но мудрый, темный, но мистически глубокий, грузный и грубый, но съ пѣкнымъ, безбоянно яснымъ сердцемъ, внезапно въ одинъ день, какъ молнію, почувствовать

всѣ эти силы, и то, что всѣ эти силы хороши и нужны, и возникла для нихъ простая, понятная форма — война за самообитость. Война проста, ясна и торжественна. Смертельная опасность придаетъ важности, крѣпче сплачиваетъ массу народа и войскъ; идуть не для славы, не изъ-за ненависти, идуть помирать за общее дѣло, зная что настала этому часъ. И тамъ на полѣ битвы творятся чудеса, неслыханныя, нежданныя: подъ-рядъ три кавалерійскіе эскадрона атакуютъ, противъ всѣхъ правилъ войны, нѣмецкую полевую батарею: первые два эскадрона гибнутъ, третій достигаетъ окоповъ, уничтожаетъ при-слугу, захватываетъ пушки.

Разказы солдатъ прости и хозайственны: о самомъ сраженіи они упоминаютъ мало, а-то подробно толкуютъ, какъ рота ихъ пообѣдала, расположилась-было отдохнуть, какъ сталъ кружиться надъ ними аэропланъ, давая знаки вражеской артиллеріи; какъ всю ночь кричали брошенныя нѣмцами слотъ, горѣли хлѣба; за какіе славные дубки залегли наши во время боя... И никто, ни одинъ не обмолвился, что ему было страшно. Страхъ, какъ зараза, стихиваетъ. Въ этой войнѣ мы избавлены отъ подобной заразы, потому что надъ войсками властвуетъ иная, болѣе могущественная, сила.

Эта сила, двинувшая народъ на войну, — сознанный актъ народнаго разума и воли. Мнѣ рассказывалъ знакомый врачъ: къ нему привезли отравившагося напатырнымъ спиртомъ запаснаго; изъ разспросовъ оказалось, что въ строю офицеръ обидѣлъ этого запаснаго и онъ со зла рѣшился отравиться; больного помѣстили въ палату, и вечеромъ оттуда пришли къ врачу больничныя мамки и сказали, что ходитъ за этимъ солдатикомъ они отказываются; на-утро врачъ засталъ запаснаго сидящаго въ слезахъ, на койкѣ, вдалекѣ отъ остальныхъ; больные были восторожны къ нему враждебно, и одинъ

сказалъ: «Здакому солдату идти воевать на Тверской бульварѣ».

Тысяча мелкихъ газетъ и листковъ съ острейшими руганью нѣмцевъ и все нѣмецкое. Большое преступленіе передъ народомъ совершить нельзя. Пустить смертельную опасность не шутить и не бранятся. Раздувать невѣзисть — значить не понять, зачѣмъ идеть на войну мужикъ. Я присутствовалъ при необыкновенно характерномъ разговорѣ двухъ солдатъ. Одинъ рассказывалъ, какъ попалъ онъ по льду, и флажовый увидѣлъ трехъ нѣмецкихъ солдатъ, прилегъ и выстрѣлялъ; средний, раненый въ ногу, упалъ; товарищи вынули перевязки и наклонились надъ нимъ. «Ишь, и пожалѣли его», — сказалъ слушающій солдатикъ, а когда рассказчикъ добавалъ, что флажовый выстрѣлялъ второй разъ и одной пулей убилъ этихъ наклонившихся къ раненому нѣмцевъ, онъ молвилъ, покачавъ головой: «Ну это ужъ бѣгъ напрасно». Нѣмецъ — не врагъ, а неприятель, давнишній, хитрый, знакомый: ховаринъ, полочанинъ, наѣздникъ Золотой орды... Имена имъ много, но онъ тотъ, подъ чѣмъ стрѣлами собралась въ единое земли, ополчился, окрѣпъ и созналъ себя русскій народъ. Онъ тотъ, подъ чѣмъ ударомъ въ будничномъ сознаніи просыналось и сейчасъ пробуждается вновь наша сила, величайшее понятіе, таинственное по страшному могуществу своему.

Трагическій духъ коснулся сознанія народа и возникло это слово, инаго онъ не знаетъ, онъ полонъ имъ, обоглашенъ. И мы, утратившіе видимую связь съ народомъ, знающіе много значеній слова отечество, отъ выкрикнутого басомъ «Германія прежде всего» до сто-на почти, до залитаго кровью скорбнаго имени — Бельгія, — мы, также внезапно обоглащенные, не ошибемся ли, не употребимъ во зло данное намъ сокровище? Сегодня мнѣ сказалъ знакомый: «Какое время! Поймите! По матери я наполовину русскій, отецъ мой выходецъ изъ Венгріи; мнѣ было все равно,

кто я такой, но сейчасъ, но знаю откуда это, сейчасъ у меня отечество, Россія, родина». Мой знакомый блѣднѣлъ отъ волненія и краснѣлъ. Какъ-будто былъ запрещенъ на это слово, быть долѣй посты, и вотъ вошло оно въ него сейчасъ, какъ огонь.

Слово точно огонь, дѣйствіе его — оспокойствіе. Народъ не волнуется, не мечетъ грезы, и неужели газетки и листки ненавистничества отравятъ его спокойствіе? Неужели и въ этомъ намъ нужно подражать Германіи, откуда клубами шелъ смрадъ шовинизма, насмѣи прусской желѣзной культуры? Но это мелочи, недоразумѣнія. Наме дѣло чувство, — «отечество», — не являетъ ни одного изъ старыхъ понятій. Въ немъ нѣтъ корысти, — будь то національная гордость, слава или движеніе на западъ нашихъ границъ. Въ немъ нѣтъ даже воинственнаго задора, но есть непреклонность. Оно безконечно серьезно и спокойно, какъ спокойствіе волнуемый только на поверхности океанъ. Мы кончили учиться, сдали экзаменъ по ариметикѣ и механикѣ, увидѣли, что только этому сейчасъ мы можемъ тамъ научиться, но что въ насъ есть и другое и другому должны мы научить учителей. Какъ велика была радость, когда появилось знаменитое воззваніе къ полякамъ. Его ждали тайно съ волненіемъ, потому что оно вывело наше «отечество» на вѣрный единственный путь.

Какъ сто пятнадцать лѣтъ назадъ трехцѣтвѣтныя французскія знамена колебались по всему міру, освобождая разумъ, такъ сейчасъ анны, трехцѣтвѣтныя, тѣхъ же цвѣтовъ знамена поднимаются, чтобы освободить духъ. Освобожденіе черезъ утвержденіе отечества, черезъ утвержденіе всего славянства, черезъ утвержденіе братства на землѣ. Вотъ три ступени. И на первую насъ ввелъ надъ темный, мудрый, еще таинственный народъ.

Гр. Александръ Н. Толстой.